

Про жену супротивницу.

Была у мужика жена, да такая-то злая и спорщица, что мужу съ ней иной разъ — чистая бѣда: что мужъ ни скажетъ, она ему все напротивъ, все на зло. Разъ нарочно захотѣлъ онъ надъ ней подшутить и говорить: «Жена, а жена! Ты смотри, сегодня пироговъ не пеки.» — «А вотъ-таки и напеку!» — Ну, коли напечешь, такъ въ поле ихъ мѣ не носи.» — «А вотъ-таки напеку и принесу.» — «Коли поне-дешь, такъ хоть черезъ мостъ не ходи.» — «Вотъ нарочно пойду» — «Ну, коли пойдешь, такъ камней за пазуху не клади.» — «А вотъ-таки и наложу.» — «Наложешь, такъ смотри: не смѣй съ моста въ воду прыгать.» — «А вотъ-таки, на зло тебѣ, прыгну!» И прыгнула баба съ моста мужу на зло, и утонула бы, еслибъ онъ ее не вытащилъ.

Сидитъ разъ жена подъ окномъ, глядь — по улицѣ гуси идутъ: «Смотри-ка, — говоритъ она мужу, — какіе наши гуси-то славные.» А у нихъ и гусей вовсе не было. «Какіе это наши

гуси,—говорить мужъ:—это барскіе!»—«Анъ, наши!»—«Нѣтъ, барскіе»—«Анъ, наши, наши! Это ты мнѣ нарочно, на зло. Коли такъ,—не хочу съ тобой жить: умру сейчасъ.» Упала баба со злости на полъ и кричить: «Помираю!»—«Да полно, жена, перестань!»—«А чьи гуси?»—«Барскіе!»—«Ну, коли такъ,—совсѣмъ помираю, умерла ужъ, клади меня на столъ, готовъ гробъ!» Любопытно стало мужу: до чего женино упорство дойдетъ. Положилъ онъ ее на столъ, сколотилъ изъ досокъ ящикъ, принесъ его и говоритъ: «Ну, жена, вотъ и гробъ готовъ.»—«А чьи гуси?»—«Барскіе!»—«Клади меня въ ящикъ!» Положилъ ее мужъ въ ящикъ и говоритъ: «Ну, жена, вотъ ты и въ гробу; сейчасъ крышку наложу!» «А чьи гуси?»—«Барскіе.»—«Заколачивай гробъ!» Положилъ мужъ крышку, забилъ пару гвоздиковъ: «И гробъ забилъ,—говорить;—хоронить везти надо.»—«А чьи гуси?»—«Барскіе.»—«Вези, коли такъ, на кладбище!» Поставилъ мужъ гробъ на телегу и привезъ къ ямамъ, гдѣ глину копаютъ. «Ну жена, вотъ и могила готова; сейчасъ опускать буду.» «А чьи гуси?»—«Барскіе.»—«Опускай!» Спустилъ мужъ гробъ въ яму, наклонился надъ ней: «Прощай, жена,—говорить,—не поминай лихомъ, сейчасъ засыпать начну.» А та чуть шепчетъ: «Чьи гуси?»—«Барскіе.»—«Засыпай!» Накидалъ мужъ на гробъ лопатъ десять глины. «Дай,—думаетъ,—проучу жену хорошенько.» Оставилъ ее въ ямѣ и уѣхалъ домой.

Пришла ночь темная, холодная, завывли волки въ сосѣднемъ лѣсу. Лежитъ вздорная баба въ гробу, ознобомъ ее и со страху и отъ холода пробираетъ, а она все злится да шепчетъ: «Вотъ-таки не поддамся. Сказала: мои гуси,—стало-быть мои!»

И вправду, пожалуй, замерзла бы баба, кабы мужъ не вернулся и не вытащилъ ее изъ ямы.

Идутъ они разъ лѣсомъ, увидалъ мужъ кустъ малины и говоритъ: «Чуръ, жена: моя малина, я ее первый увидалъ.»—«Нѣтъ, врешь, я!» Бросилась баба къ малинѣ, вскочила въ кустъ,—а за нимъ-то было бездонное провалище, гдѣ черти жили,—и ввалилась въ преисподнюю.

Что мужику дѣлать? Пришелъ домой—дѣти пищать, кричать, ѣсть просятъ. Онъ и корову дои, онъ и кашу вари, онъ и ру-

бахи стирай а ночь не спи—малолѣтокъ качай. Сталь мужикъ собирать обрывки да веревки, отъ лаптей оборки, связалъ канатъ длинный-предлинный, пришелъ къ ямѣ, куда жена провалилась, спустилъ туда конецъ да потряхиваетъ,—не ухватится ли за него баба. И мудреное дѣло—на веревкѣ что-то потяжелѣло. Вытащилъ веревку—глядь, а за конецъ маленькій чертенокъ прицѣпился, вершковъ шести, да весь въ шерсти, и пищить: «Кидай, дяденька, опять поскорѣе конецъ: тамъ нашъ старшой, лысый дѣдушка, дожидается. Какъ ввалилась къ намъ твоя баба, всѣхъ насъ избила, изругала, а дѣдушку за бороду вовсе затаскала.» — «Ишь, ты, окаяшка! Больно мнѣ нужно вашего старшого выручать, туда ему и дорога.» Повалился чертенокъ мужику въ ноги: «Выручай, родимый, дѣдушку: безъ него мы всѣ пропадемъ.»

Подумаль мужикъ и говорить: «Ну, ладно, я это дѣло сейчасъ оборудую.» Кинулъ въ провалище конецъ веревки, наклонился и кричитъ туда: «Жена, а жена!» — «Чего тебѣ?» — «Я въ яму веревку спустилъ; ты, смотри, къ ней не подходи!» — «Анъ, подойду» — «А подойдешь, такъ за конецъ не хватайся!» — «Вотъ и ухвачусь» — «А коли ухватишься, смотри: не смѣй дѣдушку лысаго за бороду хватать да съ собой наверхъ тащить.—Вотъ-таки ухвачу и вытащу!» Сталь мужикъ тянуть кверху веревку, чертенокъ ему

помогаетъ, — а за конецъ баба уцѣпилась и дѣдушку лысаго за бороду тащить.

Вытащилъ мужикъ ихъ наверхъ и говоритъ: «Пусти, жена, лысаго дѣдушку.» — «Анъ, не пушу!» — «Ну, такъ по крайности, не бей его по лысинѣ» — «Вотъ, на зло тебѣ, бить буду!» — и давай старшого чорта по затылку подбивать да за бороду изъ стороны въ сторону мочалить. Кричить, вопить лысый дѣдушка, рвется — не тутъ-то было. «Ну, будетъ съ тебя, — говоритъ мужикъ, — не скоро забудешь,» — да какъ крикнетъ: «Лупи его, жена, бей его, окаянного, не останавливайся!» — «А вотъ и брошу бить, перестану!» — «Смотри, хоть бороду-то не выпускай да домой не уходи.»

Отпустила баба лысаго дѣдушку и пошла домой.

— Ну, что же, лысый, какая мнѣ отъ тебя награда будетъ? — спрашиваетъ мужикъ. — «А вотъ какая: станемъ мы вотъ съ этимъ малышомъ, Анчуткой Безпятымъ, въ богатые дома забираться, хозяевамъ покою не давать, а ты объяви себя чертогономъ и подряжайся за хорошія деньги насъ изъ дома выгонять. Какъ придешь въ домъ, сейчасъ крикни: «Шилды, будылды, начеки, чекалды! Брысь!» — мы и уйдемъ, а ты деньги получишь. Только смотри: изъ одного дома выгоняй, изъ другого выгоняй, а изъ третьяго — ужъ не моги, не то самому тебѣ плохо придется.»

Пошелъ мужикъ домой. Только, долго ли коротко ли, сталъ народъ говорить, что у богатаго купца — подрядчика въ новомъ домѣ нечисто: шумъ, гамъ, вонь нестерпимая, въ трубахъ точно волки воютъ, изъ печей кирпичи летятъ, съ полокъ и со столовъ все на полъ валится, — а отъ чего, неизвестно. Собрался мужикъ, пришелъ къ купцу и говоритъ: «Дорого, небось, тебѣ, твое степенство, новый домъ стоилъ?» — «Эхъ, и не говори, землякъ! Пятдесять тысячъ на него убилъ, а жить нельзя.» — «Давай тысячу, я тебѣ всю эту пакость переведу». Ударили по рукамъ при свидѣтеляхъ, вошелъ мужикъ въ главную горницу да какъ крикнетъ: «Шилды, будылды, начеки, чекалды! Брысь!» — Только чертей въ домѣ и слышали: все затихло, точно ничего и не было. Отдалъ купецъ мужику тысячу рублей, и зажилъ мужикъ припѣваючи.

Прошло сколько-то времени — опять та же исторія у одного

богатого барина въ хоромахъ. Нѣтъ житья барину, хотъ бросай новый домъ. И его мужикъ за три тысячи выручилъ,—прогналъ дѣдушку лысаго съ Анчуткой. Зажилъ мужикъ лучше прежняго, завелъ батраковъ и батрачекъ, себѣ поддевку новую сшилъ и сапоги со сборами, женѣ платье шелковое, каждый день чай въ накладку пьетъ,—не житье, а масляница.

Только, вдругъ, присылаютъ къ нему изъ города отъ князя, чтобы сейчасъ къ князю чертогонъ явился и княжескія хоромы отъ чертей освободилъ. Вонъ куда дѣдушка лысый съ Анчуткой забрались; и заколородили они тамъ во всю Ивановскую: ни днемъ ни ночью минуты покоя княжеской семьѣ не даютъ, такой шумъ-гамъ, безобразіе подняли, что народъ по улицѣ идетъ, останавливается.

А мужикъ помнитъ зарокъ дѣдушки лысаго,—не идетъ, передъ посланнымъ отказывается: «Какой я, ваше благородіе, чертогонъ, это про меня напраслина. Чертей-то, небось, всегда бабы гоняютъ, это ихъ дѣло.» Только княжескій посланный мужику не повѣрилъ, ухватилъ его за воротъ, кинулъ въ повозку и привезъ къ князю. Обѣщаетъ мужику князь десять тысячъ дать, коли освободитъ онъ хоромы отъ чертовскаго безобразія, а коли не освободитъ,—обѣщаетъ туда угнать, куда и Макарь телятъ не гонялъ. Подумалъ мужикъ и говоритъ: «Дозвольте мнѣ, Ваше Сіятельство, подумать,—тутъ дѣло страшное, зарокъ, положонъ.

На другое утро разорвалъ мужикъ на себѣ одежду, волосы растрепалъ, бороду всклочилъ, рожу всю расцарапалъ—и бѣжитъ къ княжескому дворцу. А тамъ шумъ-гамъ, безобразіе идетъ отъ чертей неописанное. Какъ вскочить мужикъ во дворецъ въ такомъ видѣ да какъ заоретъ благимъ матомъ: «Батюшки, родимые! Бѣги, честной народъ, злая баба пришла!»—Только чертей и слышали, такъ пыль по дорогѣ отъ нихъ и закурилась.

Даль князь мужику за его службу, какъ обѣщалъ, десять тысячъ рублей. Сейчасъ мужикъ пошелъ въ лучшую лавку, гдѣ платьемъ торгуютъ, одѣлся во всю барскую одежду, сбрилъ у цирюльника себѣ бороду, купилъ рысака, дрожки бѣговые съ полной сбруей, сѣлъ—и ѣдетъ домой бариномъ.

Сталъ переѣзжать черезъ мостъ, глядь,—а на встрѣчу ему

жена идетъ. «Здорово, жена, погляди, ка, каковъ я. Хорошо бороду обрилъ?»—«И то обстригъ.»—«Какое обстригъ—вовсе брито»—«Анъ, врешь, стрижено»—«Да не стрижено, а брито».—«Нѣтъ, стрижено!»—«Вѣрно, говорю тебѣ, брито, хотъ попробуй.»—«Анъ, стрижено, стрижено! Хочу, чтобы стрижено было, а то сейчасъ съ моста въ воду кинусь!»—«Да, Богъ съ тобой, жена, ты погляди: вѣдь брито!»—Бултыхъ баба съ моста въ воду, мужу на зло; тонетъ, а сама изъ воды руку высунула и двумя пальцами точно стрижетъ,—дескать «стрижено».

Соскочилъ мужикъ съ дрожекъ, лошадь бросилъ и бѣжитъ берегомъ вверхъ по рѣкѣ. Встрѣчаются ему люди: «Куда, землякъ бѣжишь?»—«Ахъ, братцы, бѣда! Жена съ моста въ рѣку свалилась».—«Такъ куда жъ ты? Ее, небось, водой внизъ потащило»—Нѣтъ, люди добрые,—говоритъ мужикъ,—моя жена всему наперекоръ шла, надо ее противъ воды искать.

Искали бабу, искали—и на водѣ и противъ воды,—не нашли. Такъ она и утонула.

